

Гу Хуань, услышав это, была удивлена. Она знала, что Лэ Юй любит красавиц и любит подшучивать над ними, но только над женщинами. Никогда прежде он не шутил так настойчиво, называя мужчину «красавцем». Видя, что Сяо Шанли теряет лицо, она поспешила сгладить ситуацию, улыбнулась:

— Опять говоришь глупости.

Затем она велела служанкам помочь Лэ Юй отдохнуть и протрезветь. Проходя мимо Сяо Шанли, она услышала, как он бормочет словно в бреду:

— Это маленький красавец... не большой. Больших красавцев нужно утешать... а маленьких — лелеять.

Сяо Шанли остался стоять на месте, словно потерянный, и вскоре ушел, едва держась на ногах.

На следующий день на рассвете в Дворе Весенних Ароматов две служанки с фонарями провожали Гу Хуань, которая пригласила Лэ Юй на беседу после того, как он протрезвел.

Гу Хуань обычно жила в глубине абрикосового сада. Лэ Юй вошел в зал и, не соблюдая никаких приличий, полулег на сиденье. Через занавеску из бисера Гу Хуань дала знак Ши Ицзэ удалиться и с горькой улыбкой произнесла:

— Младший брат Юй.

Как будто ничего не изменилось, Лэ Юй ответил:

— Не надо. Моя мать разорвала материнскую связь с супругой наследного принца.

Тогда она изменила обращение:

— Господин Лин.

Затем добавила:

— Вы сопровождали князя Цзинчэна обратно в столицу. Судя по вчерашнему, он, кажется, не очень вас любит?

Лэ Юй ответил:

— Скорее, он меня ненавидит. Но какое это имеет ко мне отношение? Разве я его люблю? Я не золото, и даже золото кому-то кажется вульгарным.

Гу Хуань улыбнулась:

— Хотя Сяо Цзю вас не очень любит, он вас уважает. Вчера, когда стражники по ошибке приняли вас за убийцу и хотели арестовать, он был первым, кто вас спас.

Лэ Юй усмехнулся:

— Мне нужно, чтобы меня спасали?

Гу Хуань вздохнула:

— Я знаю, что вы на меня сердитесь, но зачем вымещать это на нем?

Ее тихий голос вызвал гнев Лэ Юя:

— Если бы я действительно был на вас зол, то кому бы вы ни отдали гу долгой жизни, я бы не вмешивался и не заботился о вашей жизни! Вы отдали ему гу, а затем отправили его на остров Пэнлай ко мне, чтобы я знал, что он для вас важнее жизни, и чтобы я был вынужден ради вашей жизни сопровождать его в Цзиньцзин? Вы велели ему быть почтительным и скромным в пути, но почему вы думаете, что я не знаю, для чего это?

Слова Лэ Юя, словно нож, вонзились в сердце Гу Хуань. Ее грудь сжалась от боли, дыхание участилось, словно цветок лотоса, готовый увянуть в холодном ветру. Лэ Юй, увидев это, резко изменился в лице, забыв о приличиях, схватил ее в объятия. Занавеска из бисера загремела, нефритовая чашка и медный ароматический шар упали на пол. Служанки, испуганные, упали на колени, умоляя ее очнуться.

Ее тонкое запястье, украшенное нефритовым браслетом, было холодным на ощупь, как кожа. Лэ Юй, охваченный раскаянием, крепко сжал ее правую руку, вливая в нее поток ци, и крикнул:

— Какое лекарство она принимает при сердцебиении? Принесите его сейчас!

Он полностью забыл о только что произошедшей ссоре, заботясь только о ее безопасности. Гу Хуань не могла говорить, ее глаза, полные слез, были закрыты, а тонкие пальцы, хоть и слабые, сжимали одежду Лэ Юя. Лэ Юй готов был отдать все, лишь бы она была в порядке. В его объятиях она была легка, как перышко, и он повторял:

— Потерпи, потерпи...

Ци непрерывно текло, возвращая пульс в норму. Она попыталась вытащить руку, чтобы Лэ Юй не тратил больше ци. Ши Ицзэ поспешно принесла лекарство, умоляя:

— Госпожа, откройте рот!

Она с трудом проглотила таблетку. Нефритовая чашка, разбитая на две части, была заменена на другую, и Ши Ицзэ поднесла к ее губам теплую воду, чтобы она могла запить лекарство.

Лэ Юй хотел что-то сказать, хотел предложить: «Ахуань, поезжай со мной на остров Пэнлай». Но она, с трудом открыв глаза, первым делом, едва слышно, прошептала:

— ...Князь Цзинчэн, хоть и избалован, в мелочах капризен... но в важных делах он мудр и непоколебим в принципах...

Она использовала титул «Князь Цзинчэн», а не «Сяо Цзю», чтобы показать, что ее слова объективны и не имеют личной предвзятости. Лэ Юй побледнел. Человек, который когда-то относился к нему как к младшему брату, теперь ради другого, чужого человека, готов был пойти на все, даже на свою жизнь.

За окном начался мелкий дождь. Они молча слушали его, словно вернувшись в те дни на острове, когда она в дождь собирала воду для чернил, брала кисть и учила их: «Синьчи, хорошие чернила должны быть гладкими и бесшумными». «Младший брат Юй, вот так нужно держать кисть». Когда она немного окрепла, Ши Ицзэ помогла ей лечь на бамбуковую кровать, а две служанки накрыли ее легким одеялом.

Лэ Юй, глядя вдаль, сказал:

— Я обещал Гу Саню, что в течение трех месяцев, пока борьба за трон в Южной Чу не закончится, я буду защищать князя Цзинчэна Сяо Шанли от покушений. Это мое личное обещание, и оно не связано с островом Пэнлай. Я даю тебе три месяца, чтобы ты все обдумала и подготовилась к отъезду со мной. Если ты беспокоишься о Сяо Шанли, я могу даже не извлекать гу из его тела. Вернувшись на остров Пэнлай, я найду другой способ продлить твою жизнь. Но если в течение этих трех месяцев ты не будешь беречь себя, я заставлю императорскую семью Южной Чу заплатить за твою жизнь. Попробуй только.

Гу Хуань нахмурилась:

— Младший брат Юй!

Лэ Юй ответил:

— Ты использовала свою жизнь, чтобы втянуть меня в этот мир, а я не могу заставить тебя покинуть Цзиньцзин? Ты, похоже, считаешь меня слишком благородным. Я не Синьчи.

Он повернулся, чтобы уйти, но рукав его одежды был слабо схвачен Гу Хуань. У нее были яркие, но печальные глаза. Лэ Юй сказал:

— Ахуань, тебе лучше не пытаться меня уговаривать. Если ты не будешь упоминать князя Цзинчэна, я еще смогу вспомнить нашу старую дружбу.

Он шагнул в мелкий весенний дождь и через несколько мгновений исчез.

Улица перед медицинским центром всегда была полна криков торговцев. Утром продавали цветы абрикоса, позже — пирожные и свежие фрукты. Грохот колес повозок и крики детей. Во дворе за дверью висел шестиуровневый медный колокольчик, и ветер, проносящийся через бамбук, заставлял его звенеть.

Инь Усяо стоял с зонтом в руке, в своем бамбуковом лесу, с небольшой лопатой и корзиной, выкапывая бамбуковые побеги. Лэ Юй подошел сзади, и он, не поднимая головы, сказал:

— О, господин Лин вернулся. На каменном столе стоит имбирный отвар.

Лэ Юй был мокрым с головы до ног, его волосы покрыты мелкими каплями воды. Услышав это, он сел на землю, покрытую бамбуковыми листьями, и, глядя на Инь Усяо, копавшего землю, спросил:

— Откуда вы знали, что я не взял зонт?

— Когда человек в плохом настроении, он часто хочет попасть под дождь, — сочувственно ответил Инь Усяо. — А когда человек понимает, что его детская подруга, как супруга наследного принца, и близкий друг, как Гу Сань, вместе его подставили, его настроение ухудшается.

Лэ Юй спросил:

— Вы говорите это из личного опыта?

Инь Усяо ответил:

— Не могу сказать, что это личный опыт.

Он вытащил бамбуковый побег, освободив его от земли, и положил в корзину, продолжив:

— В конце концов, будь то Кун Фэйбин или Инь Усяо, за нами нет такой организации, как остров Пэнлай, ради которой нас бы так подставляли.

Лэ Юй слушал, пока дождь капал на бамбуковые листья, и вскоре черные вьющиеся волосы Инь Усяо и его одежда были покрыты длинными каплями. Вокруг витал свежий аромат

бамбука. Инь Усяо положил лопату и сказал:

— Но ваша реакция действительно меньше, чем я ожидал. Вам все равно?

Лэ Юй ответил:

— Меня не сильно беспокоит, что Гу Сань меня подставил. Гу Сань всегда был умнее меня, и я знал, какой он человек, когда с ним познакомился. Он искренне подставил меня, но также искренне дружил со мной. Зачем мне требовать большего? Вероятно, единственный человек, которого Гу Сань никогда не подставит, — это его Тэньи.

Инь Усяо сказал:

— Мы с вами в одинаковой ситуации, но вместо того, чтобы сочувствовать друг другу, вы решили ткнуть меня в больное место?

Лэ Юй больше не спорил:

— Ладно.

Он откинулся на полутораметровый камень и посмотрел на дождь, стекающий с верхушек бамбука.

Гу Сань однажды прямо сказал Лэ Юю, почему он сделал ставку на князя Цзинчэна:

— Веришь ли ты, что несколько лет назад я, будучи простолюдином, встретился с наследным принцем в столице?

Одной встречи было достаточно, чтобы хозяин Павильона Весеннего Дождя покорился наследному принцу Южной Чу и стал его верным союзником. С Павильоном Весеннего Дождя наследный принц получил половину южночуского мира боевых искусств.

Гу Сань сказал:

— Если бы наследный принц был жив, он был бы бесспорным кандидатом. Не смейся, но тогда я думал, что если он доживет до шестидесяти лет и не впадет в маразм, мы с тобой за свою жизнь увидим, как Чу объединит Центральные равнины. Даже Северная Хань будет вынуждена склонить голову.

Лэ Юй сказал:

— Жаль, что такой человек, которого ты готов был вознести на небеса, внезапно умер.

Южная Чу и Северная Хань были заклятыми врагами. Когда наследный принц Чжаохуай отправился от имени императора Чу на инспекцию армии, он внезапно заболел и умер на обратном пути. Даже ребенку было ясно, что здесь что-то нечисто.

<http://bllate.org/book/15272/1348060>